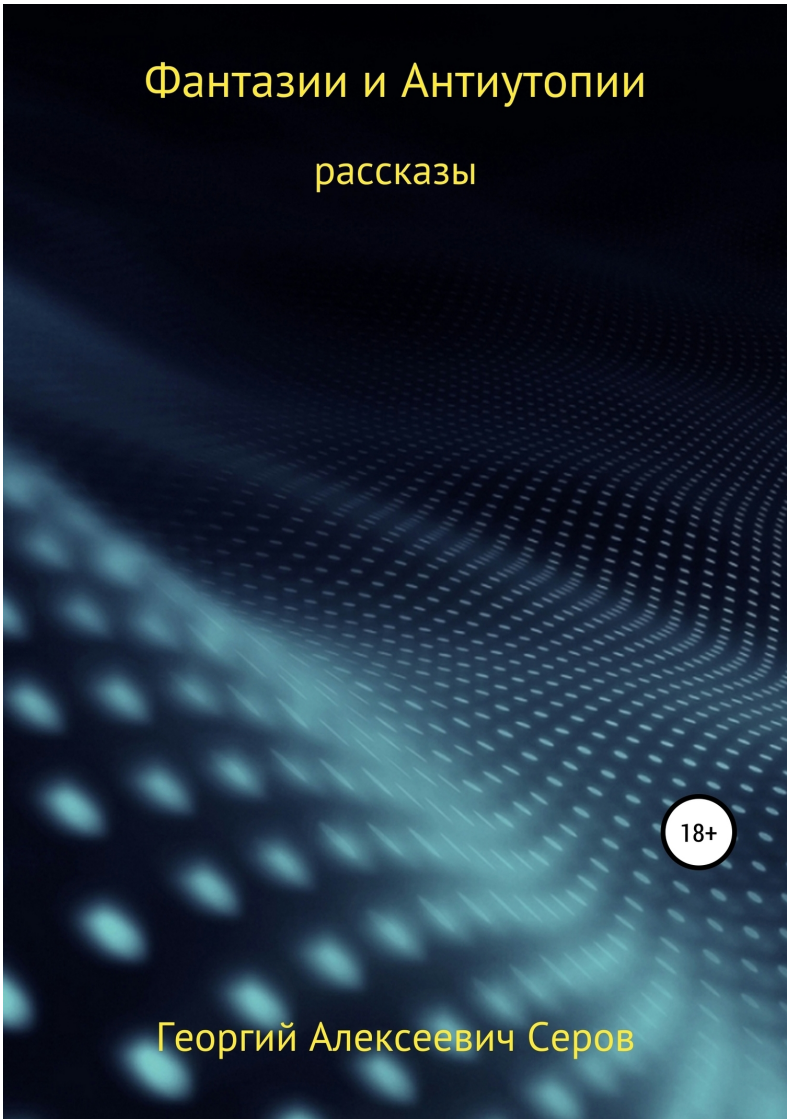
Фантазии и Антиутопии

рассказы



Георгий Алексеевич Серов

Георгий Алексеевич Серов
Фантазии и антиутопии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51676798
SelfPub; 2020

Аннотация

В сборнике представлены: фантазия на тему, что было бы, если б Достоевский вдруг оказался среди нас; антиутопия на тему обустройства системы наказаний; фантазия на тему бунта, бессмысленного и беспощадного, одного, отдельно взятого индивидуума по имени Витя.

Содержание

Идиот (не Достоевский). 4
Преступление и наказание (вообще не Достоевский) 19
Эффект Крюгера 39

Идиот (не Достоевский).

Фёдор Михайлович проснулся сегодня пораньше – ему не терпелось получить от редактора аванс за свой новый роман «Преступление и наказание», тем более, что достаточно давно жил он со своей семьёй не то чтобы за гранью бедности, но, скажем так, покрепче затянув пояса, а если проще, то бедствуя неукротимо.

Виной тому, в основном, была жёсткая, даже жестокая, если можно так выразиться, конкурентная борьба за место под солнцем среди писательской братии.

Наскоро поев чем Бог послал (а Бог послал немного), Фёдор Михайлович оделся по-осеннему и направился на Лиговский в редакцию «Нового слова».

Он вынуждён был выждать в приёмной главного редактора часа три, в течение которых аппетитного вида секретарша вводила во искушение заробевшего Фёдора Михайловича, томным голосом отвечая на входящие звонки и ещё более томным голосом отвечая на пожелания главреда.

– Да, Иуда Эукариотович… Да, конечно. Сейчас будет кофэ. Уже бегу. На мне?… Да, красное… То, что вы любите. – Ответила она после того, как попросила Фёдора Михайловича присесть и подождать «вон в том кресле».

Фёдор Михайлович присел на обширное кожаное кресло и, проводив глазами вихлявшую бёдрами секретаршу с вы-

ражением обычной тоски мужика, у которого «денег точно не хватит», принялся терпеливо ждать.

Жена его, Анна Григорьевна, решительно отказала ему накануне в интимной близости, сообщив вдобавок к этому, что без денег завтра он может домой не приходить. Происхождение денег, подлежащих внесению в семейный бюджет, её абсолютно не волновало. По её словам, заработать деньги он мог, помимо «бумагомарательства своего бестолкового», также и на разгрузке вагонов на Московском вокзале, да и в любом другом месте по его выбору.

Обуреваемый размышлениями о перспективах своего бытия в случае, если главред откажет ему в выдаче аванса, Фёдор Михайлович попеременно то вскидывал руки к голове, то цокал языком и с досадой кивал головой.

В приёмную, подобный ветру, вбежал какой-то модно одетый господин, лицо которого показалось Фёдору Михайловичу неуловимо знакомым. Достоевский долго и мучительно пытался припомнить, где же он видел сего господина, как вдруг воспоминание молнией пронзило его мозг.

Ну конечно, – это был раскрученный писатель Фаддей Мортыхандрович Долевский. Его густо нагримированное лицо часто показывалось в «дьявольском ящике», изрыгающем понос речений на несчастные уши семьи Достоевских, когда по настоянию детишек Фёдор Михайлович гасил долг за кабельное ТВ с какой-нибудь шабашки в виде написания статеек на исторические темы (например, о жизни и нра-

вах Петербурга середины 19 столетия. Читателей, в основном, правда, интересовала безнравственность Петербурга, поэтому бедному Фёдору Михайловичу приходилось, скрепя сердце, описывать всякую дрянь, дабы пробиться в печать и получить хоть какой-то гонорар).

Вернемся к Долевскому, ибо он прервал горестные рассуждения Фёдора Михайловича своим бодрым: «Главред у себя?»; а когда наш герой ответил ему на тот счёт, что, мол, секретарша «уже минут двадцать как с кофием изволили зайти-с», хитро подмигнул ему и с размаху плюхнулся на обширный кожаный диван, стоявший поближе к двери кабинета редактора.

Минут через пять из кабинета выплыла томная секретарша, поправляя сбившуюся причёску. Заметив Долевского, она улыбнулась ему, словно старому знакомому, и шёпотом сказала, глядя на него: «Ждёт. Давай, заходи!».

Слабые попытки Фёдора Михайловича возразить по поводу такой несправедливости (почему он, а не я?), были на корню пресечены резко изменившейся в лице секретаршей, полоснувшей лезвием слов: «Ждите, вас пригласят».

Что творилось в кабинете главреда в течение часа нам не известно, однако поэт гламура выпорхнул оттуда, светясь, словно летнее солнце, и, чмокнув на прощание секретаршу, выскочил из приёмной. На Фёдора Михайловича, сидевшего в своём поношенном костюме в углу приёмной, Фаддей даже и не посмотрел.

Достоевский кашлем обратил внимание на уставившуюся на экран своей бесовской машины секретарши, которая словно забыла о его существовании.

– Кхмм.

– Да?

– Милая мадемуазель, нельзя ли каким-то образом ускорить процесс?… Процесс прохождения через двери в кабинет редактора.

Вскинув, подобно Марии Магдалине на картине Тициана, свои воловьи очи, размер которых увеличивался диоптриями линз, секретарша выдохнула тяжко: «Сейчас»; и набрала телефон шефа.

– Иуда Эукариотович, тут вас некий Достоевский с утра дожидается… Что?… Что на мне? Да… В красном, в красном, которое вам нравится… Вы же сами недавно видели… Что? Хорошо, сейчас зайду.

Секретарша положила трубку, поднялась со своего кресла на колёсиках и, одёрнув юбку, направилась в кабинет главреда. Бросив Фёдору Михайловичу на ходу: «Ожидайте»; она скрылась за тяжёлой дубовой дверью.

– Нет, это уже ни в какие рамки! – Возмущаясь, думал про себя Достоевский. – Сколько же можно меня здесь держать?

Врождённая стеснительность, однако, не позволяла нашему герою предпринимать более решительных действий. Некое шестое чувство подсказывало ему, что если он попытается проникнуть без приглашения в кабинет главреда, то

он вторгнется в чужую тайну и, соответственно, совершенно определённо никакого аванса не увидит, как и перспективы печататься в данном издательстве.

Минут через пятнадцать его тяжкие раздумья были прерваны – произошло чудо и из кабинета Иуды Эукариотовича выплыла, поправляя сбившиеся очки и растрепавшуюся причёску секретарша.

Она проследовала к своему столу, затем тихо и мечтательно произнесла:

– Можете войти.

Фёдор Михайлович вскочил, обрадованный, и подбежал к кабинету главреда, после чего тихонько постучался в дверь. Не услышав приглашения войти, он беспомощно посмотрел на секретаршу. Та, глянув на него блестевшими от искорок веселья глазами, сказала:

– Проходите, проходите, не стесняйтесь! Шеф в хорошем настроении.

Он, глубоко вдохнув, открыл тяжёлую дубовую дверь и обнаружил, что за ней находится ещё одна дверь.

– Так вот почему редактор не услышал, как я стучусь! – Понял он.

Достоевский постучался в следующую дверь и услышав наконец-то долгожданное: «Да-да, войдите»; приоткрыл вторую дверь. Бочком протиснувшись сквозь неё, он, будучи ослеплён обстановкой кабинета, просеменил к столу главреда.

– А-а, Фёдор Степанович! – С напускной вежливостью сказал главред. Проходите, пожалуйста, присаживайтесь.

– Михайлович. – Поправил его Фёдор Михайлович.

– Михайлович. Да. Фёдор. – Без тени смущения произнёс Иуда Эукариотович – худощавый лысеющий мужчина, с водруженными на переносицу прямоугольными очками.

Достоевский долго не решался выбрать какой бы то ни было стул. Покрутившись вокруг наиболее понравившихся ему двух стульев, он всё же выбрал один из них и неловко сел на краешек.

– Ну что ж, Фёдор Николаевич. – С места в карьер начал главред, доставая из ящика своего стола объёмистую рукопись «Преступления и наказания». – Да уж, пришлось нашему редакторскому отделу попотеть над вашей рукописью! Пока, понимаешь, разобрали ваши каракули. Простите, конечно, но вы не пытались приобщиться к компьютеру, работе с текстовыми редакторами?

– Э-э-э. Кхм. – Фёдор Михайлович не знал, что сказать. – Разумеется пытался, но всё ж, голубчик, не по мне всё это. Уж больно тяжело даётся грамота компьютерная. Не получается. Да и денег нет, компьютеры эти бесовские покупать.

– Ладно, ладно. – Примирительно сказал главред. – Но вы бы, всё-таки, наняли наборщика текстов. Берут они сейчас копейки – конкуренция бешеная. Это бы значительно ускорило процесс вычитывания и правки первоначального текста. Да и не ходили бы сейчас, не обивали бы пороги. Пред-

ставляете, сидя дома отправляете нам по электронной почте свой роман и ждёте. Год-два – не больше!

– Да, да. – Согласно закивал головой Достоевский. – Но мне бы, знаете, аванс для начала, чтобы, так сказать, имелась возможность кого-то нанимать.

Главред приподнял очки, нацепленные на переносицу, и серьёзно посмотрел на Фёдора Михайловича.

– Тут, Константин Михайлович, загвоздка одна есть. – Сказал он задумчиво.

– Какая такая загвоздка? – Внутри у нашего героя всё похолодело.

– Видите ли, то, что вы излагаете на пятистах страницах убористым почерком, можно уложить максимум в двадцать страниц. История вашего главного героя… э-э-э, Раскольникова, кажется, вообще никого не способна взволновать. Нет интриги, загадки какой-то, что ли.

– Но это же психологический отчёт преступления… – Начал было Фёдор Михайлович.

– Дослушайте меня, пожалуйста. Я же вас не перебиваю. – В голосе главреда послышались стальные нотки. – Всё у вас на поверхности: Раскольников пошёл, убил процентщицу, убрал лишнего свидетеля, а потом, можно сказать, залёг на дно, но, не выдержав мук совести, сдался полиции, после чего отправился на каторгу, где духовно преобразился. Надо вам сказать, что роман вам лучше назвать «Идиот». Именно так и будут его называть читатели, хохоча до слёз… В том,

конечно, случае, если дочитают, не заснув, до сцены, когда он явился с повинной к следователю.

– Почему же «Идиот»? – Поинтересовался ошарашенно Фёдор Михайлович.

– Да потому, что некие угрызения совести, о которых вы повествуете чуть ли не на двадцати страницах, сейчас не в тренде.

– В тренде? – Переспросил Достоевский.

– Да, в тренде, тот есть, в смысле, не в тренде. То есть не модно, не актуально сейчас, понимаете?

– А что, должна быть мода на совесть?

– Вы меня не совсем правильно поняли. Это в девятнадцатом веке человек мог надолго оставаться со своими мыслями, читать книги. Вы же не хуже меня знаете, сколько всяких мыслей приходит во время чтения.

– Да уж. – Забегав глазами, произнёс Достоевский неохотно.

– А сейчас чуть ли не каждые три минуты новая эпоха начинается. Человек может даже и не вспомнить, что он три дня назад кого-нибудь убил или ограбил. И только правоохранители могут ему напомнить, что он сделал что-то не так в своей жизни. – Главред грустно усмехнулся. – Да и то, ведь, человек до последнего будет утверждать, что он ничего такого не помнит.

– То, о чём вы рассказываете, ужасно! – Схватился за голову Фёдор Михайлович.

Иуда Эукариотович встал из-за стола и начал медленно похаживать вдоль него, вещая менторским тоном втянувшему голову в плечи Фёдору Михайловичу:

– Потом, что за орудие для убийства такое – топор! Фу, как грубо, как топорно, если можно так выразиться! Вам бы надо ввести в качестве орудия убийства пистолет. Подойдёт «ТТ» или «ПМ» с глушителем.

– Но ведь Раскольников – нищ и гол. Где он, по вашему мнению, возьмёт пистолет? На какие деньги он сможет его приобрести? А с учётом того, что, насколько мне известно, пистолетов в свободной продаже не бывает, потратиться ему пришлось бы весьма основательно!

– Ну-у, это читателя волнует в последнюю очередь. Главное – эффектность сцены. Я прямо-таки вижу перед глазами картинку, как Раскольников, воспользовавшись отсутствием внимания старухи-процентщицы, привинчивает глушитель к своему «ПМ'у». Можно описать, как у него трясутся руки, как он долго не может попасть в резьбу, как, увидев, что процентщица в какой-то момент начала смотреть на него в упор, приставляет дуло к её переносице и вышибает мозги, растекающиеся по старому, с облупленным лаком комоду беловатой кашицей на кроваво-алом фоне.

Фёдор Михайлович почувствовал, как остатки непереваренной пищи запросились наружу. Едва сдержав рвотный позыв, он попросил у главреда разрешения выпить воды из кулера, стоявшего в углу его обширного кабинета.

Пока Достоевский с жадностью пил воду, пытаясь забыть обрисованную ему Иудой Эукариотовичем картинку, тот продолжал:

– Ладно, топор можете оставить, чёрт с ним! Но я не заметил в вашей книге ни одной, хоть сколь-нибудь вразумительной эротической сцены. Между тем, у вас имелась прекрасная возможность не единожды свести Раскольникова с Мармеладовой в, скажем так, едином порыве страсти. Да и вообще, следователь у вас – ну просто какой-то сухарь. С ним тоже можно было бы что-нибудь этакое придумать. Поход по злачным местам Санкт-Петербурга, например.

Причём, знаете, не просто надо привести какие-то эротические сцены – это уже набило оскомину!

Сейчас более актуально другое, в частности, эротический нуар. То есть недостаточно описания бесчисленных копуляций между главными и второстепенными героями в различных положениях и в самых разных жизненных обстоятельствах. Нужен ещё элемент ужасов. Например, у главного или, по крайней мере, какого-нибудь второстепенного героя останавливается сердце от посткоитальной неги или…

– Не хочу слышать боле. – Зажав уши жестом отчаяния и зажмурив глаза выдавил из себя Фёдор Михайлович.

– Фу ты, Боже, какие мы нежные. – Засмеялся главред, садясь в своё кресло и откидываясь на его спинку.

Пока Достоевский приходил в себя, Иуда Эукариотович успел позвонить домой, проинструктировав домочадцев, во

сколько надо начинать собираться на самолёт, отлетающий на Бали, а также распорядиться относительно двух чашечек кофе для него и для «Алексея Михайловича».

Минут через пять Фёдор Михайлович, придя в себя, поднял голову и, вытерев слёзы, навернувшиеся у него на глазах, сказал:

– Я переделывать свой роман не буду. Никакие похабные сцены вставлять не буду, орудие преступления менять не буду. Интриги всякие ваши закручивать я не намерен! В романе речь идёт совсем о другом. В нём…

– Ну хорошо, хорошо. – Перебил его главред, отхлёбывая кофе из своей чашечки и провожая взглядом ягодицы своей секретарши, принесшей кофе и удаляющейся теперь в приёмную.

– Я могу вас понять, – Иуда Эукариотович скользнул взглядом по измождённому бородатому лицу писателя, – вы, судя по вашему возрасту, воспитывались ещё при советском строе, а в СССР секса, как известно, не было. Ладно, можете не описывать, как главные герои спариваются и всякое такое.

Он вновь приложился к чашечке с горячим чёрным кофе и, поинтересовавшись для проформы, почему «Сергей Михайлович» не пьёт свой кофе, продолжил:

– Однако настоятельно порекомендовал бы вам вставить в качестве отдельной линии в роман столь модную сейчас тему пандемии какой-нибудь ужасной бессимптомной болезни, например, атипичной пневмонии или коронавируса, на

худой конец.

– А это что за чертовщина такая? – Спросил, ужаснувшись, Фёдор Михайлович.

– Да вы, батенька, совсем, что ли, от жизни отстали? Ейбогу, вы напоминаете мне какого-нибудь Перельмана, который сидит в своей квартире, запершись, и выходит только до ближайшего магазина.

– Э-эй, китайцы, коронавирус. – Он пощёлкал пальцами, размахивая рукой перед лицом Достоевского. – Болезнь, пандемия, люди мрут как мухи.

– Говоря по чести, не слышал, – пробормотал Фёдор Михайлович, – я телевизор особо стараюсь не смотреть. Да он у меня и отключен почти всё время – денег нет за кабельное телевидение заплатить.

Словно не слушая его, главред, взор которого загорелся дьявольским огнём, продолжил:

– У меня перед глазами стоит такое развитие сюжета. Раскольников, убив старуху и её сестру, пытается вместе с Сонечкой покинуть Россию на самолёте. Однако закрытие границ в качестве меры, предпринятой для профилактики распространения инфекции, препятствует ему осуществить задуманное, в связи с чем он сдаётся в лапы правосудия, чтобы переждать пандемию в глухих лесах Сибири, где вероятность заразиться сведена к минимуму! Однако Сонечка увлекается там сибирским мачо в лице лесника Добрыни, рожает от него ребёнка…

– О Боже! – Воскликнул Достоевский и вновь впал в отчаяние, понимая, что аванса ему сегодня, да и в дальнейшем, не видать.

– Ладно, ладно. Я вижу, ни одна из моих идей вам не подходит. – Нахмурился главред. – Что ж, не бывает безвыходных ситуаций. Вот я вижу из вашей анкеты, что вы в соцсетях не зарегистрированы. «ЖЖ» у вас тоже не заведён?

– Иуда Эукариотович! Какой «ЖЖ»? Какие соцсети? Я с этой бесовщиной интернетной не научен работать. – Раздражённо ответил Фёдор Михайлович.

– Вот и напрасно! Могли бы себе завести «ЖЖ» с названием «Михалыч» или «Идиот», например, и вывешивали бы там анонсы своих творений, разогревая публику, так сказать. А продвинутый среди публики роман лучше продаётся. Начните набирать лайки. После того, как вы наберёте пару миллионов лайков, мы запустим ваше «Преступление» вместе с «наказанием» в печать.

– Какие лайки?! Собаки, что ли?! Я – творец, а не пиарщик! – Взъярился Фёдор Михайлович.

– Ну-у, раз вы не пиарщик, то предлагаю вам печататься у нас на паритетных началах.

– Что значит на паритетных началах? – Чувствуя некий подвох, спросил Достоевский.

– Вы должны внести часть денег за издание книги. – Терпеливо стал объяснять главред. – Часть средств за издание вносит редакция. Всю прибыль от реализации тиража мы за-

бираем себе и если затея окупается, то на следующий тираж мы возьмем с вас меньше денег.

– Вы что, издеваетесь? В чём тогда смысл писательства как профессии, как ремесла? Я что, бездарь какая, печататься за свои деньги?

– Фёдор Михайлович! Ни я, ни, тем более, вы не знаем, бездарь вы или талант. Однако кому, как не мне, лучше знать конъюнктуру рынка, кому, как не мне, лучше знать, будет ли продаваться ваша книга или будет она мёртвым грузом лежать на полках книжных магазинов!

Фёдор Михайлович встал в раздражении и, обращаясь, по-видимому, сам к себе, сказал:

– Подите вы прочь!

После этого он, не оборачиваясь в сторону главреда и опустив глаза, вышел из кабинета. Не попрощавшись с секретаршей, он снял с вешалки своё худое пальтишко и направился к выходу из приёмной. В этот момент у секретарши на столе зазвонил телефон и она подняла трубку.

– Да, Иуда Эукариотович… – Ответила она звонившему главреду. – Да… В красном, в красном, как вы любите… Да, вы же видели… Сейчас, уже бегу.

– Бесовское гнездо порока! – В сердцах подумал Фёдор Михайлович, выходя из здания, где располагалась редакция.

Пока он ждал аудиенции с главредом и общался с ним, набежали тучи, и из хмурой серости повалила снежная крупа, которая сыпалась сейчас на его непокрытую голову.

– Да, с учётом обещания Аннушки, придётся мне, наверное, идти на Московский, вагоны разгружать… – Печально подумал Фёдор Михайлович, направляя стопы свои в сторону Площади Восстания[1] [2] [3] [4]

[1] Да, рассказ полон клише и стереотипов – взять ту же секретаршу.

[2] Да, идея не нова.

[3] Да, имеется неточность – Фёдор Михайлович сначала издал «Преступление и наказание» (1866 г.), а затем уж женился на Анне Григорьевне (1867 г.), которая подарила ему детей: Софью (22 февраля 1868 г. – 12 мая 1868 г.), Любовь (1869 г. – 1926 г.), Фёдора (1871 г. – 1922 г.), Алексея (1875 г. – 1878 г.).Но смысл рассказа не в соблюдении исторической хронологии (он сам по себе – вызов истории), а в том, чтобы показать, в каком конкретно месте сейчас находится литература.

[4] Не сомневаюсь, что сейчас и Шекспир вряд ли смог бы пробиться в лидеры продаж (в вину ему поставили бы напыщенный, тяжеловатый слог). Его трагедии наверняка были бы поставлены пару раз на заштатных сценах лондонского Ист Энда и, при отсутствии надлежащих инвестиций, на этом бы всё и закончилось.

Преступление и наказание (вообще не Достоевский)

Старший лейтенант нашей пенитециарной системы Валерий Кисочкин писал рапорт. Рапорт о рацпредложении, который он решил составить под воздействием, по-видимому, одного из сериалов, снимаемых в многочисленных киностудиях наших идеологических врагов.

– Так, на чьё имя писать? – Мечтательно думал он, сидя над чистым листом бумаги. – В Москву, может, сразу? А кто там сейчас начальник? Э-э-э… Генерал-полковник Мартышкин? Нет, того давно уже за взятку прихватили, правда, он потом в колонию так и не попал. Штраф, по-моему, назначили – главное было, ведь, от кормушки оторвать.

Валера потянулся за спичками, лежавшими на полочке над кухонным столом, достал из запасника «сигаретку-сигареточку» и, закурив её, затянулся сладковатым дымом поглубже.

– А-а! Наверное, генерал-лейтенант Медведь! – Обрадованно воскликнул он.

Затем, словно вспомнив некую печальную весть, вновь затянулся сигаретным дымом и протянул разочарованно.

– Не-ет же – этот чего-то там с госконтрактами намутил, а ещё пару вилл на Багамах построил. Вот ему это всё и при-

помнили, когда он решил провести мимо общаковской кассы навар от переименования Федеральной службы наказания в Федеральную пенитециарную систему. Слово-то какое – пе-ни-те-ци-ар-ную!

Валера посидел немного, почесав в затылке, встал из-за стола, покружил вокруг него, вдыхая и выдыхая голубовато-сизый дым сигареты и размышляя:

– Нет, вообще в Москву смысла нет писать.

Во-первых, начальство скажет, что, мол, вконец зарвался Кисочкин – через голову начальства прыгать!

Во-вторых, я слыхал, что до Москвы вообще ничего не доходит, как в прямом, так и в переносном смысле. Даже если письмо и дойдёт до главного генерала, что вряд ли, то до него не дойдёт его содержание – слишком много букв и слов, а у него от долгого ношения фуражки уже мозги взопрели.

В-третьих, все проекты, не сулящие очевидной и немедленной выгоды в виде откатов от аффилированных с автором идеи или его друзьями-сослуживцами фирм, отвергаются как непригодные.

Кисочкин вновь сел за стол, затушил окурок в пепельнице и, решительно взявшись за перо, начал вдохновенно писать «шапку» рапорта:

– Начальнику Управления Федеральной пенитециарной системы Жлобской области генерал-майору В.С. Тюбетейкину. Рапорт.

Идея Кисочкина была весьма прозрачна и проста – испра-

вительный эффект наказания возможен, если каждого совершившего то или иное злодеяние заставить вновь и вновь в течение отмеренного ему судом срока переживать суть совершённого им проступка.

Например, убийце необходимо каждый день оглашать смертный приговор – допустим, смерть через повешение. В течение дня вести с ним душеспасительные беседы, позвать священника, провести инструктаж по гигиене мёртвого тела и прочая и прочая, чтобы в конце дня при стечении публики, пожелавшей поучаствовать при исполнении смертного приговора, подвести его к эшафоту и…

Нет, не вздёрнуть, как это делали в варварские времена, а, усыпив, уложить его спать, чтобы на следующий день он проснулся вновь и «повторилось всё сначала».

Причём, чтобы такого рода наказание не превращалось в фарс, поскольку преступник на следующий же день поймёт, что его разыгрывают, необходимо стирать все воспоминания прошедшего дня.

Кисочкин на интуитивном уровне понимал, что такого эффекта можно добиться неким физическим воздействием на области мозга, отвечающие за память.

Ему было известно, что, например, методика воздействия электричеством на такие области ещё не разработана, поэтому, чтобы не уподобляться разного рода утопистам, в качестве альтернативы он предлагал следующие методы стирания памяти:

– воздействие электричества на весь мозг – авось заденет и нужную область;

– вышибание памяти ударом увесистой дубинки по голове;

– вливание каждый вечер в гражданина, отбывающего наказание 1-1,5 л водки.

Очевидно, что варварский способ выбивания памяти посредством дубинки, скорее всего, начальством будет с негодованием отвергнут, так как он имеет пагубное воздействие на здоровье человека, чреват образованием внутричерепных кровоизлияний, которые, как известно, приводят к летальным исходам.

Ежевечернее вливание водки для стирания впечатлений прошедшего дня могло оказать негативный эффект. Лица, даже и не склонные к совершению преступлений, стали бы, если можно так выразиться, выстраиваться в очередь на совершение тяжких и особо тяжких преступлений, суливших назначение длительных сроков наказания.

Такой способ стирания воспоминаний и ухода от реальности и без того широко распространён в России, да и во всём мире, но за него надо платить, приобретая спиртное.

А в данном случае затраты на водку будет нести Федеральная пенитециарная система. Совершенно очевидно, что вариант с бесплатным обеспечением спиртным многим окажется по вкусу, что приведёт к громадному скачку уровня преступности.

Оставался, как наиболее вероятный, способ воздействия электричеством на оболочки мозга. Кисочкин со всей серьёзностью подошёл к изложению своего рацпредложения. Он составил чертёж устройства в виде полусферы, надеваемой на голову преступника для стирания памяти.

Множество шипов должны, при надлежащей подгонке, впиваться в кожу человека, подлежащего воздействию. После водружения полусферы на голову и закрепления её ремнями, на шипы должен подаваться ток.

Показатели величины тока и продолжительности его воздействия на преступника, очевидно, должны быть строго индивидуальными. Через определённый промежуток времени у человека необходимо будет выяснять, помнит ли он что-нибудь из событий прошедшего дня.

С учётом того, что от матёрых и бывалых ожидать правдивых пояснений на этот счёт не приходится, наиболее предпочтительным способом выяснения эффективного воздействия электротока на память является лицезрение вида подвергаемого процедуре стирания памяти.

В случае, если после очередного отключения тока человек в ответ на вопрос, помнит ли он что-нибудь, будет бессмысленно пялиться на вопрошающего и пускать слюнявые пузыри изо рта, то, по всей видимости, можно констатировать, что процедура прошла успешно.

Конечно же, такой способ вероятностного выявления эффективности процедуры стирания памяти должен быть из-

вестен только немногим посвящённым, поскольку, если информация об этом способе разойдётся среди контингента тюрем и колоний, может начаться массовое симулирование признаков, свидетельствующих о стирании воспоминаний.

Кисочкин понимал, что с развитием науки станут возможными поставки специальной дорогостоящей аппаратуры, диагностирующей очистку кратковременной памяти. Таким образом, этот несовершенный способ установления эффективности работы разработанного им устройства будет заменён другим, однако предложение его состояло в том, чтобы пока пользоваться его методой.

Для различных категорий злоумышленников у него были разработаны свои методики искоренения преступных мыслей, реального, а не на словах, исправления даже закоренелых рецидивистов, с разрушительными интенциями личности которых столь безуспешно боролась устаревшая система исполнения наказаний.

Так, для воров, мошенников, грабителей и т.д., Кисочкин предлагал, после «обнуления» их памяти, помещать в обычные условия свободных и достаточно состоятельных людей.

День они должны проводить в обычных, будничных своих заботах, а к вечеру, будь то путём обмана, кражи или нападения на них, лишаться всего того, что находилось, по их наивному представлению, у них собственности.

Разумеется, после жуткого стресса, связанного с потерей того, на что они «всю жизнь горбатились», они вновь под-

лежат прохождению процедуры стирания памяти, для того, чтобы на следующий день повторить все сначала. Проснуться в своей кровати в богато обставленном доме или квартире, сходить на службу, вернуться домой и обнаружить, что неустановленные лица обчистили их жилище. Или же, возвращаясь из магазина быть подвергнутыми жестокому нападению со стороны гнусных разбойников, обирающих свою жертву до трусов.

Для насильников Валерий придумал следующее изощрённое наказание. К «орудию преступления» должны подсоединяться электростимуляторы, побуждающие к семяизвержению.

И если после первой эякуляции насильники и разного рода извращенцы должны, по идее, испытывать чувство радости и облегчения, в связи с чем выказывать готовность к смирению и даже принятию с благодарностью отмеренного им суровым судьёй срока, то уже ближе к вечеру, будучи несколько измотанными постоянным воздействием электростимуляторов, они должны лезть на стенку и требовать своей немедленной кастрации.

Кисочкин справедливо предположил, что даже после года отбывания такое наказание способно искоренить любую неправедную мысль в отношении особ противоположного (или, не дай боже, своего) пола до конца жизни любого насильника и извращенца.

Он продумал свой вид наказания для практически любо-

го преступления. Для взяточников он разработал схему с ежедневным взятием нечистоплотного чиновника с поличным сотрудниками правоохранительных органов и сопутствующими унизительными процедурами допроса, личного досмотра с трансляцией по всем местным и центральным телеканалам. Понятно, что процедура трансляции по телеканалам предъявлялась только отбывающему наказание, но у преступника должна создаться иллюзия полного погружения в ад мздоимца.

Для дезертиров предполагалась ежедневная пробежка по снегу босиком с разбитым лицом или ещё какой травмой похуже от гикающих «дедов» и отцов-командиров, мчащихся за ним по пятам на уазиках цвета хаки.

В рапорте Валерий постарался изложить также ответы на вопросы, которые могут возникнуть у противников его системы. Разумеется, вопрос вопросов – проблема финансов. Он разработал достаточно дорогостоящую схему, требующую каждодневных инсценировок, использования техники и оборудования, построения целого городка для осуждённых, чтобы они чувствовали себя обычными людьми (как в случае с ворами, которые каждый день должны утрачивать всё нажитое «непосильным трудом»).

Кисочкин справедливо предположил, что деньги можно привлекать с помощью реалити-шоу, призванных показывать любопытствующей публике реакцию воров и мошенников, у которых каждый день будут похищать условно принад-

лежащее им имущество. Кроме того, наверняка людям будет интересно участвовать в качестве актёров при инсценировках взятия с поличным казнокрадов и взяточников, а также наркодельцов.

Отдельную категорию шоу должны будут составлять театрализованные представления с подготовкой душегубов отойти в мир иной. Валера предлагал организовать представления, на которых прыскающая со смеху публика могла бы насладиться игрой актёров, готовящих убийц достойно отойти к праотцам, предварительно удалив из организма вещества, которые, расслабляясь, выдают на свет божий мышцы почившего.

Страждущие, к которым Валера отнёс, прежде всего, военных пенсионеров, могли отправиться на сафари по отлову дезертиров. Разумеется, автоматы на руки дедкам подлежали выдаче заряженными только холостыми патронами, поскольку военные, которые, как известно, бывшими не бывают, могли, войдя в раж, перестрелять не только осуждённых по дезертирской статье, но и преследующих их артистов, играющих роль старослужащих.

Ну, и на десерт предполагалось устройство так называемых пип-шоу – шоу для разного рода эротоманов, извращенцев и просто немного озабоченных по поводу недостаточного количества копуляций в их жизни мужчин и женщин.

За определённую плату, весьма умеренную с утра и крайне неумеренную к вечеру, желающие могли бы посредством

видеоглазков понаблюдать за приключениями насильников, к источнику преступной похоти которых подлежали подключению электроды.

Всю свою стройную систему исправления людей, оступившихся на своём жизненном пути единожды, или же матёрых рецидивистов, Кисочкин изложил в своём длинном (на 107 листов) рапорте «О том, как нам обустроить пенитециарную систему», который по итогам составления был представлен Валерием своему непосредственному руководству.

Майор Попандасов был несколько обескуражен необходимостью прочтения многостраничного рапорта своего подчиненного, но, взяв себя в руки, набрал в магазине водки и курева, после чего, закрывшись от всего мира на выходные в своей холостяцкой квартире, вычитал рапорт Кисочкина до конца.

В понедельник Валерий был вызван на ковёр к майору.

– Предупреждал я тебя, Кисочкин, что увлечение каннабиноидами да грибами псилобисциновыми (тьфу, слово-то какое!) тебя до добра не доведут. – Грозно начал Попандасов.

– Да я ж, Никандр Кузьмич… – Начал было Валерий.

– Ай, да ладно, тебе, Валерий Иванович. – Уже более добродушно сказал майор. – Я ж тоже в твои годы, то мухоморчиков, то с мужиками травки. Но завязал. Да, завязал!

– Да как вы могли подумать… – Стал возмущаться Кисочкин.

– И тебе советую, лейтенант! – Не дал договорить ему Никандр Кузьмич. – А то сначала грибочки да травка, а там, глядишь, уже на синтетику перейдёшь ненароком. И тогда всё – пиши пропало!

– Я ни за что… – Всё пытался донести свою мысль наш герой.

– В общем, что я тебе скажу, лейтенант. – Не слушал его майор. – Иначе, как нахождением твоей сущности в состоянии глубочайшего наркотического делирия я появление твоего рапорта объяснить не могу. Я, конечно, начальнику Управления доложу о твоём, в кавычках, рацпредложении. Но как бы это не приобрело для тебя, скажем так, не совсем желательный оборот.

– Да я только…

– Всё. Не надо. Иди! – Поднял, словно защищаясь, свою руку майор, останавливая дальнейшие Валерины попытки выговорится, объяснить рациональность своих идей, их происхождение и прочая и прочая. Затем, когда Кисочкин обиженно развернулся, Никандр Кузьмич бросил ему вслед:

– Реально, лейтенант, ты бы на водку переходил, что ли. Водка – это вещь! Не то, что азиатчина эта европейская. Не наше это всё, не исконное.

Как и обещался, майор передал рапорт «О том, как нам обустроить пенитециарную систему» вышестоящему начальству, которое, по-видимому, поняв из названия, что в сочинении скромного вертухая ставится проблема федерального

масштаба, переслало рапорт в Москву.

Хотя, более вероятно, что девочка в канцелярии, будучи занята своими девическими проблемами, направила рапорт не в урну, куда он предназначался к отправке, а присоединила, по ошибке, к документации, подлежащей направлению в столицу.

Через несколько месяцев попавшего в немилость Валеру вызвал к себе майор Попандасов. Он мрачно пробормотал: «Обскакал ты меня, Кисочкин»; и предложил тому сесть.

Оказалось, что из Москвы пришло высочайшее распоряжение присвоить товарищу Кисочкину звание полковника и назначить его начальником экспериментальной колонии, в которой предполагалось реально, а не на словах (это подчёркивалось в распоряжении) исправлять лиц, вставших на неправедный путь.

– Они, кажется, в Москве тоже чего-то покуривают. – Раздражённо прошептал Попандасов.

– Но-но, майор! – Грозно проговорил Кисочкин, поскольку мог себе уже такое позволить, будучи возведённым до чина полковника.

***

Впоследствии выяснилось, что обкурившийся внук очередного временно исполняющего обязанности начальника Федеральной пенитециарной системы генерала Л.С. Долбачёва, зашёл к деду стрельнуть десятку-другую (тысяч, конечно) американских рублей до следующих выходных, поскольк-

ку родители давно его перестали спонсировать.

Сев за стол деда в тяжких раздумьях о судьбах отечества, поскольку он немного перебрал сегодня с планом, он обнаружил на углу стола непрочитанный рапорт Кисочкина.

Заглавие рапорта его почему-то развеселило и он решил ознакомиться с его содержанием поближе.

Давно Венечка Ноздрёв не хохотал так искренне, разбирая корявый Валерин почерк. Начитавшись всласть, Веня, подойдя со всей серьёзностью к вопросу подделки распорядительных надписей от имени своего деда, написал в углу первой страницы рапорта: «Тов. Раскумарову. В работу! Кисочкину В.И. – медаль!».

Придя домой после весёлой вечеринки на высшем уровне, но сохраняя деловой настрой, дед Венечки Ноздрёва, выдав внуку деньги в долг, перебрал разложенные на столе деловые бумаги. Он приятно удивился тому, что успел прочитать объёмистый рапорт некоего бойца по фамилии Кисочкин, после чего с облегчением положил его в свой генеральский портфель и на следующее утро передал секретарю.

Товарищ Раскумаров, который на момент составления распорядительной надписи внуком генерала Долбачёва являлся заместителем генерала, ретиво взялся за реализацию предложенного в рапорте.

Он рассчитывал впоследствии занять место начальника, тем более, что под генералом Долбачёвым давно уже шаталось кресло – он намутил чего-то с поставками презерва-

вов в мужские учреждения пенитециарной системы, подведя необходимость закупки таковых той простой идеей, что однополый секс в тюрьмах и колониях всё равно не изведешь, так пусть он будет хотя бы защищённым!

Раскумаров не вчитывался в содержание рапорта, поскольку, во-первых, у него в голове были сосем другие проблемы, а во-вторых, из распорядительной надписи недвусмысленно следовало, что «старику» понравилось.

Относительно медали Кисочкину начальник, конечно, погорячился, но пустить в работу рапорт можно. Генерал спустил рапорт со своей распорядительной надписью «Срочно в работу! Заключение по предложениям в кратчайшие сроки!» в подчинённые структуры для дачи, как вы сами понимаете, положительного заключения.

Прошло три месяца. Заключения, в целом положительные, разного рода управлений, отделов и департаментов обширной пенитециарной системы по поводу рапорта Кисочкина, были собраны воедино и представлены сменившему Долбачёва Раскумарову.

Новоиспечённый генерал-полковник поручил издать приказ о внедрении предложенного Валерием рапорте, тем более, что при определённом вложении бюджетных средств (часть из которых можно легко подтянуть в свой карман) в данный перспективный проект, он, по заключению финансово-экономического управления сулил окупаемость в течение трёх лет.

Безусловно, генерал понимал, какое сопротивление в верхах может вызвать необходимость выделения бюджетных средств на проведение всякого рода экспериментов – в 2037 году ведущим национальным проектом был «Миллиард за пятнадцатого ребёнка». Однако он взял решение данной проблемы на себя, тем более, что был вхож в кабинет, точнее больничную палату находящегося уже пять лет в состоянии искусственной комы Самого́.

Кисочкину, раз уж идея его и кто, как не он, сможет воплотить её при надлежащей организации работы, поручалось возглавить экспериментальную исправительную колонию.

Ну, а раз ему предстояло занимать полковничью должность, то и звание ему было решено присвоить сразу полковника – как-то несолидно, если начальником экспериментальной, передовой, можно сказать, колонии будет всего лишь лейтенант.

Разумеется, если лейтенант, то есть, простите, полковник, провалит реализацию эксперимента, то и разжаловать его обратно, но уже в прапорщики, недолго.

***

Сказано – сделано. Пробили в вечно скептически настроенном Министерстве финансов (которых никогда нет) бюджетные ассигнования на реализацию проекта, провели через свои, а значит, надёжные фирмы закупку оборудования, построили городок, опять же силами надёжных фирм, и начали эксперимент.

Система, по причине нашего вечного разгильдяйства, давала, конечно, некоторые осечки, но в целом-то, в целом великолепная идея полковника Кисочкина давала свои результаты.

В течение недолгого, к сожалению, периода существования экспериментальная колония показала эффективную работу по исправлению даже самых матёрых преступников.

Те немногие осуждённые, которые были выпущены по отбытию срока из колонии, более никогда не возвращались на путь криминала. Таких, увы, оказалось не так много, поскольку смертность в колонии в разы превышала средний показатель по Федеральной пенитециарной системе. Впрочем, об этом позже.

Публика валом валила на представления. Особенной популярностью пользовались спектакли с разоблачением взяточников и захватом оперативной группой наркоторговцев.

Спектакли с убийцами пользовались несколько меньшей популярностью в силу определённой специфики представления, заключавшейся, среди прочего, в специфике юмора, лившегося на уши зрителей, который по праву можно отнести к чёрному.

Действительно, после того, как человеку объявляли в очередной раз, что в конце дня он будет казнён через повешение, он начинал высказывать определённое разочарование вынесенным декоративным судьёй решением. Совершенно очевидно, что приговорённый при объяснении своей точки

зрения на суть вынесенного приговора не всегда пользовался приличествующими в обществе словами и оборотами русского языка, поэтому женщин и детей обычно на такие представления не водили.

Кроме того, обсуждение разнообразных подробностей событий, сопутствующих перемещению тела из состояния живого в неживое, не всякого может настроить на оптимистический лад. То есть люди, которым нравилось данное шоу, обычно относились к своеобразной породе людей, смакующих определённые детали процесса умирания и смерти вообще.

На пип-шоу наши сограждане поначалу не стремились попасть, в силу своей природной застенчивости и закомплексованности в сфере половых сношений. Данный вид исправления уже хотели отнести к убыточному, однако своевременно сработала маркетинговая группа, сотрудница которой, Мария Ва́гина, сделала предложение о необходимости дать рекламу в странах Евросоюза.

Наибольшую эффективность реклама пип-шоу дала в таких странах как Голландия, Швеция, Германия, Франция и, наконец, Чехия, граждане которых издревле почитаются или же не так давно стали почитаться за самых раскованных и бесстыдных. После того, как в экспериментальную колонию начали целыми группами ломиться интуристы, наши сограждане также начали проявлять недюжинный интерес. Среди посетителей пип-шоу числились и москвичи, и питер-

цы, и даже суровые сибиряки.

***

Автор сообщал ранее об определённых сбоях в работе колонии. Таковые, в частности, были обусловлены и коррупцией в рядах сотрудников колонии. Например, за определённое вознаграждение сотрудник колонии мог не проводить процедуру обнуления памяти.

Кроме того, высшее руководство вновь образованного к тому времени Федерального агентства по исправлению неисправимых осужденных, заинтересовалось резким скачком суицидов и несчастных случаев с осужденными в экспериментальной колонии.

В центральный аппарат ФАИНО поступали также тревожные сигналы о том, что большинство осужденных из данной колонии направлялось напрямик в психиатрические лечебницы закрытого типа, в связи с постигавшими их разного характера расстройствами психической деятельности.

Те осуждённые, которые отбыли свой срок, как мы уже говорили, не возвращались более к преступной деятельности, однако их достаточно сложно было считать полноценными членами общества. Хотя врачи-психиатры признавали их поведение незначительно отклоняющимся от нормы, создавалось впечатление, что они вынуждены были давать такие заключения по причине переполненности лечебниц вновь и вновь поступавшими клиентами экспериментальной колонии.

Генерал Рукоплюев, возглавивший ФАИНО, был сторонником жёстких решений и резких движений. После направления в экспериментальную колонию расширенной комиссии, заключение которой подтвердило самые худшие опасения руководства Федерального агентства, экспериментальная колония была расформирована, разжалованный до рядовых Валерий Кисочкин – направлен на принудительное лечение от злоупотребления каннабиноидами и психотропными препаратами в наркологическую клинику г. Жлобска.

Не в последнюю очередь своему расформированию колония обязана несколько тронувшемуся умом подполковнику Попандасову Н.К., строчившему тоннами рапорта высшему руководству областного управления Федеральной пенитенциарной системы, а затем Федерального агентства по исправлению неисправимых осужденных, центрального управления ФПС-ФАИНО в Москве, а также и Самому́, который, увы, по тем или иным причинам данные рапорта лично читать не мог.

Удалённый в отставку генерал Раскумаров отправился отдыхать с молодой любовницей от трудов праведных на славный остров Маврикий, что в Индийском океане. Ему удалось на последние гроши прикупить двухэтажную виллу с небольшим, всего лишь 1 гектар, огородиком, где он и ковырялся, пока в ходе любовных утех его не прихватил инфаркт – мечта любого мужчины и ужас любой женщины.

Его предшественник – генерал Долбачёв, погоревший на

презервативах, сумел уйти от уголовной ответственности, поделившись наваром от их реализации с несколькими весьма ответственными товарищами. На Маврикий он не поехал – далеко и жарко. Но вот греческий Родос ему пришёлся как нельзя кстати.

Что же до Венечки Ноздрёва, то он направил свои стопы в Голландию, где и проживает, испытывая до настоящего времени ярчайшие ощущения.

Эффект Крюгера

Жизнь Витькá не отличалась наличием каких бы то ни было примечательных событий. Сам он выглядел достаточно невзрачно – прыщавое вытянутое лицо, средний росточек, вечно взъерошенные волосы, которые ближе к двадцати он начал стричь под бокс с челочкой по стандартной гопницкой моде начала нулевых.

Нет, не подумайте, он вовсе не был гопником, но всё ж мимикрия, осознанная или неосознанная, заставляла его подстраиваться под окружение: «с волками жить – по волчьи выть», как уж повелось.

И не обещала судьба-мошенница каких-либо особых взлётов или падений в его жизни. Взлётов-то уж точно – какие могут быть взлёты у простого паренька из Чертаново? Человек должен порвать себе ..опу, чтобы без блатов и денег выйти на другой уровень, в том числе и благосостояния.

Падение? Падение более вероятно – обычное затяжное падение, называемое жизнью. Сначала пиво с «пцанами» во дворе на лавочке с последующим плавным переходом на более крепкие напитки, а там… Если не подсядет на что-нибудь покрепче алкоголя, то всё по стандартной схеме, никаких, можно сказать, флуктуаций. Жизнь бесчисленных миллионов российских мужиков.

Период созревания также не отличался какими-то оше-

ломительными успехами у противоположного пола, в отличие от наивных его мечтаний. Со спермотоксикозом приходилось, таким образом, справляться самому.

Сознание и мироощущение определенным образом искажаются при непрерывном и непереносимом воздействии неудовлетворенного в силу определенных установок социума желания продолжить свой род, заложенного природой, не рассчитывавшей, что эволюция приведет к образованию этого самого социума, подавляющего отдельную личность, желающую размножиться.

Так вот, под таким искажающим воздействием Витя в районе 17-ти лет практически в каждой представительнице противоположного пола видел свою утешительницу, тем более, что пацаны говорили, что ничего сложного в этом деле нет. И каждый раз он был огорчён, что эти самые представительницы на ситуацию смотрели прямо-таки противоположно и вовсе не хотели его утешать.

Наш герой даже начал кропать стихи, полные рифм наподобие: «томленье-вожделенье», «тело-без дела», «благая-нагая» (автор уж не упоминает о такой пошлой рифме, как «кровь-любовь»).

Вполне вероятно, что из-за определённой усталости справляться с такой несносной проблемой самому, а может, из-за хвастовства его дворовых друзей, заливавших ему о своих, достойных книги Гиннеса, успехах на половом поприще, женился он рано – в 18-ть, то есть по достижении воз-

раста, считающегося официально возрастом, с которого человек начинает осознавать последствия своих поступков.

На радостях после допуска к телу, Витёк запустил девчонку в пузо своей благоверной. До конца не ясно, было ли это немного до или немного после свадьбы, во тьме прошедших времён уже и не разберёшь, да только появился ребенок через неполные девять месяцев после сочетания браком счастливого Вити с не менее счастливой Маринкой.

Появление пищащего, писающего, мающегося от колик свёртка, оказало шокирующее воздействие на Витька́ – он начал подумывать, что в армии, может, не так уж и плохо, может, вовсе и не стоит бегать от военкома. И даже, может, лучше самому пойти в военкомат – явиться с опущенным долу взором, да и бухнуться в пол перед военкомом-отцом как на небезызвестной картине «Возвращение блудного сына».

Все эти размышления прерывались попытками устроиться на работу, вечными потугами сшибить деньжат у родственников, друзей и знакомых, концертами жены, виртуозно игравшей на струнах Витиных нервов, а также заботами о мало́й.

***

Какого лешего его занесло на Кутузовский на его рассыпающейся «шестерке», доставшейся в наследство от деда, он и сам не понял. Потом он вспоминал, что по настойчивой просьбе супружницы поехал за молочной кухней, да решил,

видимо, по кратчайшему пути через «Кутузовку» проехать.

На его беду, он встрял на середине дороги – колесо заклинило. Проехав юзом метров пять, машина остановилась и, что естественно, не хотела ехать дальше ни под каким предлогом.

А тут ещё проспект оцеплять начали ребята из организации на три буквы – планировался проезд кортежа «Сами-Знаете-Кого». После расстановки постов, началась «зачистка» территории. И тут, сами понимаете, обнаруживается, что стоит, такой, весь из себя красивый Витёк верхом на своём железном коне.

Разумеется, ему вежливо сообщили о необходимости освободить проезжую часть. На резонный вопрос Витькá, каким образом можно осуществить данное действие без посторонней помощи, ему сообщили, что «проблемы негров шерифа не тревожат» и чтобы в течение трёх минут он убирал свою «ржавую консервную банку» с трассы.

В течение пяти минут продолжалось представление в театре абсурда с декорациями в виде брежневской многоэтажки, сопровождавшееся бессмысленными диалогами. На совершенно обоснованное требование ГАИшников очистить трассу от мусора, Витёк не менее обоснованно сообщал, что с заклинившим колесом без эвакуатора это никак невозможно и, послав доблестных стражей дорог по достаточно широко известным направлениям, сел, закрывшись в машине.

Затем, словно чёрный вихрь, налетели ребята из другой

организации, тоже на три буквы, но других три буквы. Ребята эти не очень приветливо и, можно сказать, совсем невежливо разбили окно Витиной шушлайской машины, вытащили его оттуда и нагнули нашего Витю в положение «раком», шарахнув его для острастки головой о крышку капота. На запястьях ничего не понимающего Витькá щёлкнули, замыкаясь, кольца наручников.

Он пытался отбрыкиваться, а также успел направить и вновь прибывших правоохранителей по тем же незамысловатым адресам, обычно скрытым для сторонних наблюдателей, но незримо присутствующим в сознании большинства населения и потому постоянно находящимся у всех на слуху.

Между «чёрными» состоялся следующий разговор:

– Вот гад, меня в живот лягнул! – Сказал первый.

– Во-во. А мне чуть по лицу не въехал. – Раздосадованно подтвердил впечатление от встречи с Витькóм второй.

– Чё с вахлаком этим делать будем? Может, покушение на жизнь государственного деятеля оформим? – Спросил первый. – Или оскорбление представителя власти хотя бы?

– Да ну его, возни больше. – Начал возражать второй. – Ходи потом по следакам да судам, давай показания – больно надо. Его ещё и великомучеником выставят в Евролиберастии как этих, как их там – «Кискин бунт», что ли. Давай его по уголовке обычной пустим.

– А-а, ну базаров нет. Давай, понятых зовём.

Первый связался по рации, сказав неизвестному собесед-

нику, что нужно организовать понятых. Второй в это время дал ГАИшникам ценное указание, чтобы те убрали машину к чёртовой матери, подразумевая, очевидно, прилегающую к Кутузовскому территорию.

– Так мы это, как? – Пытался, видимо, сослаться на невозможность выполнения пожелания человека в чёрном, кто-то из гайцов.

– Как? – Мордой об косяк! – Взревел сотрудник компетентного органа.

Вздохнув и, по-видимому, понимая, что действовать надо быстро, гаишник сбегал до своей машины, стоявшей на съезде, и задом подъехал к Витиной «шестёрке», чтобы, прицепив на трос, оттащить её до дороги-дублёра.

Витька в это время, поддерживаемый с двух сторон, двигался в позиции «кронштейн угловой», следуя за своим удалявшимся неспешно с трассы угловатым чудищем, истошно визжавшим протираемой об асфальт шиной заклинившего колеса.

«Бойцы невидимого фронта» в чёрном аккуратно уложили Витю на асфальт возле машины, чтоб не отсвечивал. Они успели как раз вовремя, поскольку мимо пронеслись, поблёскивая маячками сначала передовые бэхи охраны «Сами-знаете-кого», а затем, в коробочке из бронированных «Гелендвагенов» и авто «Самодержца».

Вытянувшись по стойке «Смирно» с поднятой в воинском приветствии рукой, «люди в чёрном» проводили глаза-

ми кортеж, после чего занялись более мелкими проблемами. Наклонившись к Витькý, крепкие ребята подняли его на ноги и вновь в позиции «рачком» прислонили его к машине.

– Тэк-с! Запрещённые в обороте предметы, оружие, наркотики имеются? – Начал один из крепышей.

– Подожди, Иваныч, сейчас понятые будут. – Перебил его другой.

Витёк почувствовал, как в его карман мягко опустилась и тут же вынырнула чья-то рука. Подъехали «понятые»: замурзанного вида мужички – постояльцы ближайшего трезвяка; в сопровождении молодого лейтенантика с ланитами розовыми, как у сгорающей от стыда девицы.

– Ну что, давай, командир. – Стал торопить сонного лейтенанта один из крепышей. – Мы тут злодея выявили, думаем, что у него наркота и боеприпасы имеются. Надо проверить.

Лейтенант, покрывшись ещё более густым румянцем, достал из планшетки бланк протокола, и, установив личность Вити, предложил ему (в последний раз!) выдать добровольно все свои наркотики и боеприпасы вместе с колюще-режущими и огнестрельными предметами.

Витя, будучи вполне уверенным, что у него таковых не имеется, ответил категорическим отказом, сославшись на предполагаемую им по наивности добропорядочность.

– Ну что ж! Значит, вы отказываетесь выдать запрещённые в обороте предметы? – Язвительно спросил вполне осво-

ившийся с обстановкой лейтенантик.

– Да нету у меня ничего! – Взревел белугой наш герой.

– Приступим тогда. – Скомандовал лейтенант.

Проворные руки бойцов в чёрном начали шарить по карманам Витиных куртки и грязных джинсов, обхлопывать его по ногам и по спине.

Раздался ликующий возглас одного из служивых, обнаруживших свёрнутый целлофановый пакетик с напоминающим соль порошком внутри.

– Так! – Вскрикнул лейтенант, когда перевязанный ниткой пакетик был извлечен на свет божий. – Понятые, прошу засвидетельствовать факт обнаружения у гражданина пакетика с бело-серым порошком.

– Это не моё, мне подкинули! – Опять завыл Витёк, отказываясь до конца поверить, что это происходит с ним, что это не чья-нибудь дурацкая шутка – розыгрыш для дебильноватых телезрителей, гогочущих, сидя у экранов своих мозгопромывателей, над приключениями какого-то недошлёпка.

– Ну да, ну да. – Хмыкнул один из крепышей в чёрном. – Вечная история. Как ширнуться, так «моё», а как изымать начинают, так сразу «не моё».

– Больше ничего не обнаружено? – Уточнил лейтенант.

– Да вроде всё.

Лейтенант дал чиркнуть мужичкам в положенных местах протокола и с измывательской вежливостью предложил расписаться в нём Витьке.

– Не буду я ничё подписывать! – Наученный в дворовых компаниях поведению при соприкосновении с правоохранителями, заорал он.

– Ваше право, Виктор Александрович. – Лейтенант чувствовал себя хозяином положения. – Понятые, прошу засвидетельствовать факт отказа от подписи гражданина.

Мужички, насупившись, послушно чиркнули в тех местах протокола, куда ткнул своим пухлым пальцем лейтенант.

– Теперь перейдём к досмотру транспортного средства гражданина Лепёшкина. – Сказал лейтенант, доставая из своей планшетки ещё один бланк протокола.

Открыв двери Витиной машины, ребятки из организации на три буквы, начали рыться в бардачке, поднимать подушки сидений, залезли в багажник.

Вновь раздался торжествующий возглас бойца, рывшегося в салоне:

– Оп-па, Стёпа! Вот это да! А кто это у нас ЭрГэДэшки под креслом хранит?

У Витька́ сердце ушло в пятки – Какая ещё ЭрГэДэшка?

В это время боец уже вылезал из салона и в правой руке, немного согнутой в локте, держал осторожно, словно хрустальную вазу, лимоноподобную железяку цвета хаки.

Не стоит, наверное, упоминать о том, как впаяли Витьку́ семёрочку по совокупности его злодеяний, поскольку судья был надлежащим образом проинструктирован о необходимости внимательного прочтения материалов дела и приня-

тия правильного решения.

Думаю, не стоит также упоминать и о пребывании Витюни на зоне – как матёрые, шутя, подвели его к батарее и попросили «сыграть на гармошке», а он, не зная этой смешной тюремной шутки, начал на батарее играть, с подражанием гармонисту.

Не стоят внимания читателя и такие мелкие эпизоды простой зэковской жизни, как попытка бывалых сделать из Вити-мальчика Витю-девочку, помещение в штрафной изолятор за неправильный взгляд на начальство колонии и прочую ерунду.

Стоит ли говорить и о такой мелочи, как выпестованное в ходе раздумий длиною в семь лет отношение к лицу, возглавляющему механизм, в шестерёнки которого случайно затянуло нашего героя?

Безусловно, он был, мягко говоря, несколько обескуражен, обижен действиями правоохранителей, из-за которых он примкнул к стройным рядам судимых. Однако же, он решил, что обижаться на этих мразей – уподобляться собаке, кусающей палку, которая её бьёт, а не руку, которая держит эту палку.

Почему он так решил, автор не имеет ни малейшего понятия. Ведь самодержец не может проконтролировать все действия своих подданных, правильно? Ему даже и невдомёк, что на пути его кортежа могла стоять какая-то шушлайка с заклинившим колесом.

Царь, как предполагает автор, думает, что по Кутузовскому машины и не ездят – по крайней мере, он никогда их там не видел. Там и пешеходов-то почти нет.

Впрочем, это всё лирика.

Откинувшись по сроку Витёк вернулся в своё родимое Чертаново. Естественно, его не ждали ни жена – организму не прикажешь, дело молодое, ушла к другому; ни родители: мамка на нервах приобрела болячку, сожравшую её с потрохами в три года; папка…

Папка, и до всех Витькиных приключений имевший склонность заливать зенки по поводу и без, к выходу сынка на волю, превратился уже в чудище, напоминающее персонажей фильмов о зомби с их жизнерадостными похождениями.

Так что, можно сказать, он тоже Витьку не сильно ждал – забыл даже в квартире прибраться, а надо было бы.

Можно представить себе ощущения нашего героя, вернувшегося в родительскую квартиру, теперь напоминавшую больше место посиделок бичей, и встретившего в дымоган пьяное чудовище, которое некогда было его отцом.

Жена с ребенком слѝлись в неустановленном направлении, что следовало из слов еле ворочавшего языком папаши. Зато машина – машина имелась в наличии, стояла в гараже, ржавела потихоньку, обрастала паутиной. Это ничего, что на ней уже семь годков никто не катался, не беда – он отремонтирует её и…

Вот об этом «и» он думал весь свой срок. Вряд ли он сможет найти этих уродов, закатавших его жизнь в асфальт Кутузовки, – они наверняка уже путём рвения по службе и умелого нализывания начальствующих седалищ сами стали отцами-командирами.

Но тот, кто возглавляет их, порождает эту опричнину, никуда не делся – он жив и здоров, этот вечный повелитель Совковой Сущностно Страны Ресурсов.

Именно на нём Витька решил выместить своё зло за сломанную жизнь, а заодно и прославиться во веки веков (Аминь!).

Приходилось батрачить на правах пернатого на разгрузочно-погрузочных работах – желанием брать его на официальную работу никто не горел (с таким-то клеймом, выжженным на лбу!).

Он бы и рад был спиться, тем более, что существо, называвшееся горделиво его отцом, неоднократно предлагало такой замечательный и простой выход из ситуации, но яростная потребность отмщения выжигала его изнутри. У него была цель – цель жизни, пусть и не самая достойная, но именно она не давала ему скатиться на дно, куда его милостиво подталкивал его со-жилец, он же папаша.

С машиной, конечно, пришлось повозиться – ездить она отвыкла весьма основательно. Настрой авто на работу напоминал настрой работника, которому до пенсии оставался месяц-полтора, обрадованного перспективой поработать ещё

пяток лет.

Однако же Витю ждал серьёзный удар – мужики, с которыми он ремонтировал машину, сказали, что он отстал от жизни, пока мотал свой срок. Ибо политик с большой буквы «П» теперь по улицам, обычно, не катается – на вертолёте летает, перемещаясь с одного воздушного острова на другой без необходимости спускаться на грешную землю, в гущу холопствующего планктона. Делает он это сейчас крайне редко и крайне неохотно, якобы прислушавшись к «гласу народному», недовольному перекрытием улиц.

Витя начал потихоньку пить-заливаться с понедельника по воскресенье, уступив, наконец, влиянию среды.

В одно прекрасное солнечное утро, возвращаясь с шабашки на Киевском, чтобы не ехать через центр в родные Черемушки, Витя решил проехать по достопамятному Кутузовскому, который, на его беду, был вновь перекрыт.

Посчитав, по-видимому, с дичайшего бодуна, что в сей утренний час «Сам-Знаете-Кто» решил, вопреки канону, проехаться до работы обычным земным путём, Витя понял, что это, может, его единственный и последний шанс поквитаться с системой.

Он выскочил на встречку, распугав метнувшихся из-под колёс испуганной птичьей стайкой гаишников, и, набирая скорость, рванул навстречу кортежу. Ловко объехав вставший поперёк дороги бмв-шный седан с мигалкой, он шарахнул со всей дури в лоб бронированному «мерседесу».

***

Оказалось впоследствии, что кортеж принадлежал не «Тому-Кого-Нельзя-Называть-Вслух», а дипломату Фуй Ссан Ыню, который был посмертно награждён «За мужество и героизм, проявленные в далёкой столице «Страны Севера» Су Чим Сыном – вождём дружественного России государства, устройству которого старается подражать «Сам-Знете-Кто».

Но Витьку́, в принципе, было уже всё равно. Отчалив ввысь на прозрачных невесомых крыльях из покорёженной «шестерки», он не стал оглядываться назад для того, чтобы убедиться в исполнении жизненного замысла, – синяя заоблачная даль манила его своим ослепительным светом.

Эффект Даннинга-Крюгера (Даннинга убрал из названия во избежание того, что англоязычные называют «spoiler») метакогнитивное искажение, которое заключается в том, что люди, имеющие низкий уровень квалификации, делают ошибочные выводы, принимают неудачные решения и при этом неспособны осознавать свои ошибки в силу низкого уровня своей квалификации, что приводит к возникновению у них завышенных представлений о собственных способностях (см. Википедию).